

Вращаясь взад и вперёд, стрелка астронавигационного компаса покачивалась на игле гироскопа, прежде чем, наконец, указать направление. Оно не имело отношения к их фактическому курсу, но этот компас и не был частью “Ренарда”. Когда-то он располагался на богато отделанной капитанской кафедре “Наставника” и много лет верно направлял корабль, прежде чем этот идиот Миндар зашёл слишком далеко.

Робаут сидел в своей каюте за полированным столом из палисандра, наблюдая, как стрелка снова и снова сбрасывается с воображаемого курса и начинает бесплотный поиск истинного азимута. Он постучал по стеклу тонким ногтем и едва не улыбнулся, когда стрелка прекратила лихорадочно метаться, словно собака, услышавшая эхо голоса давно потерянного хозяина. Едва она остановилась, как снова дёрнулась и подпрыгнула, пытаясь найти точку привязки, на которой можно было остановиться.

— Поймай для меня ветер, старый друг, — произнёс Робаут.

Играла тихая музыка, Баллада о солдате Томе, грустная народная мелодия древних дней, история об умирающем солдате Пятисот Миров, развлекавшего симпатичную медсестру рассказами о красотах родного мира, который он больше никогда не увидит. Робауту нравились гордость и мечтательно-грустные образы в песне, хотя её редко играли в последнее время. Слишком многие считали дурным тоном петь о былой славе Калта, но Робаут не соглашался с подобной чувшью. Это была прекрасная мелодия, и ему нравилось слушать, каким был синий мир, пока предательство не опустошило его.

Каюта Робаута выглядела аскетично, мало что указывало на то, что в её стенах жил человек, командующий кораблём. Обстановка в каютах большинства капитанов Ультрамара выглядела простой и Робаут не был исключением. Впрочем, прибыльные годы жизни вольного торговца оставили свой след: шарф от девушки, которая поцеловала его, когда он покидал Бакку; похвальные грамоты Флота в рамках; лавровая розетка времён службы в Иакской оборонной ауксиллии, полученная за бой с диверсионной группой транс-орбитальных повстанцев с астероида; и маленькая гололитическая камея, изображавшая наклонённый профиль молодой девушки с взъерошенными светлыми волосами и печальными понимающими глазами. Её звали Катен, и Робаут с болезненной ясностью помнил день, когда сделали этот пикт. Проходящий пиктограф снял его на празднике Первого Урожая, когда они гуляли рука об руку среди артистов и ярко раскрашенных павильонов, где продавались резные сувениры, украшения, конфеты и сладкая выпечка.

Она весь день держалась отчуждённо, и он знал почему.

Его блестящая служба в Иакской оборонной ауксиллии подходила к концу, но вместо того, чтобы повесить ружьё на стену и занять должность в одном из лучших аграрных коллективов он направил послужной список в манифольд Флота. Он сказал Катен, что это не более чем праздное любопытство, желание увидеть, каким станет ответ, но не прошло и месяца, как вербовщик Флота прилетел на Иакс и стал настойчиво убеждать его принять должность младшего офицера на борту имперского боевого корабля.

Он сказал вербовщику, что ему потребуется некоторое время и тот не стал вдаваться в

подробности с сухой усмешкой, которая сказала Робауту, что он уже много раз слышал это и готов подождать. Их жизни с Катен продолжались, но каждый в глубине души знал, что Робаут покинет Иакс на следующем солнцестоянии с верфями Флота на Макрагге. Она остановила пиктографа и, хотя он предлагал сняться им вместе, Катен настояла на отдельном портрете.

Сейчас он понимал почему.

Она вышла замуж за хорошего человека из старинного рода, который мог проследить происхождение до самой Первой Высадки и по слухам несколько его отпрысков служили в рядах Ультрадесанта. Робаут надеялся, что это правда и она счастлива. Он надеялся, что у неё сильные сыновья и красивые дочери и что она не слишком горевала по его смерти.

Новости о гибели “Наставника” не могли не достигнуть Иакса, большая часть его внутренней фурнитуры и отделки была изготовлена из хорошей иаксийской древесины. Флот зарегистрировал “Наставник” уничтоженным неизвестным кораблём Вечного врага и пропавшим со всем экипажем. Но это была только половина истории.

Робаут не хотел вспоминать, как пил ледяную воду с металлическим привкусом, капающую в последнем содержавшем кислород отсеке на разрушенном мостике, и как пришлось слизывать с надпалубных надстроек замёрзшую плесень, оставшуюся единственным источником пищи. Такое лучше поскорее забыть, и астронавигационный компас остался единственным сувениром о службе на “Наставнике”. Взять что-то ещё было слишком больно.

Он постучал по командным символам на столе, и над ярко-красным деревом появилась гололитическая панель из дымчатого стекла. Мимо прокручивались направления курса, расход топлива и кривые параболы пространственного отношения, пока инфомашины “Ренарда” передавали информацию из модулей топографов и входящие данные комплексов ауспиков “Сперанцы”. Он изучал поток информации, позволив улучшениям в вычислительных центрах мозга обрабатывать данные, не используя префронтальную часть. Его природные способности уроженца Ультрамара обеспечили быстрое продвижение в командных рядах Флота, что привело к вживлению нескольких мозговых имплантатов, которые всецело и неоднократно доказывали свою ценность, как в космосе, так и на суше.

— Кто-бы ни проложил курс, он разбирается в звёздах, — произнёс Робаут, экстраполируя промежуточные пункты маршрута в следующих нескольких секторах, где они выпрыгнут из варпа, чтобы сверить координаты, прежде чем направиться в Шрам Ореола на галактической границе. Пальцы капитана порхали над спроектированным курсом, что-то увеличивая, что-то пропуская и изучая области особенно искусного гексаматического вычисления. Большая часть оказалась за пределами его ограниченного понимания столь тайных многомерных подсчётов, но он знал достаточно, чтобы признать тонкую работу.

Робаут открыл цельный ящичек в столе сложным тактильным жестом и прошептал приказ на языке, который его человеческое горло едва сумело воспроизвести. Внутри находился украшенный золотой гравировкой диск памяти из приводного маяка спасательной капсулы. Он изучил данные, закодированные в решётчатой структуре диска на дискретном терминале, хотя большая их часть оказалась почти бесполезна без ссылок на исходные значения

астрономической географии за пределами Шрама Ореола. Оставалось надеяться, что как только они окажутся на противоположной стороне Шрама, то смогут найти эти точки координат.

Даже учитывая, что терминал, на котором он просматривал данные, не был связан с главными логическими машинами корабля, он отформатировал его ещё перед выходом на орбиту Джоуры, прекрасно понимая, что Котов попытается покопаться в памяти “Ренарда”, как только поймёт, что сделал Робаут.

Конечно же, магос Павелька позже нашла доказательства тонкого, но всеобъемлющего несанкционированного доступа в когитаторы судна, глубокого проникновения, которое затронуло каждую систему в поисках недостающих данных. Это вызвало у Робаута усмешку. Словно он небрежен в дисциплине данных!

Приятный звон донёсся из стола, как если бы ножом слегка постучали по бокалу, и он очистил информацию о курсе резким движением руки. Мигавшая вокс-иконка с символом командования Кадии появилась в углу дымчатого стекла, и Робаут усмехнулся, уже ожидая звонка из штаба полковника.

Он коснулся экрана, и появилось изображение серьёзного мужчины, по-юношески красивого, но поджарого, как волк, напомнив Робауту, что даже штабные офицеры кадианского полка были отлично обученными и проверенными в бою солдатами. Он узнал человека, которого видел в Адамантиевом Кивории, это оказался один из адъютантов полковника, но не смог вспомнить представили ли их друг другу. Чёткость изображения была непревзойдённой, Робаут подозревал, что благодаря великолепному вокс-оборудованию на борту “Сперанцы”.

— Капитан Сюркуф? — спросил человек, хотя никто больше и не мог ответить по этому воксу.

— Говорите. Кто вы?

— Лейтенант Фелспар, адъютант полковника Андерса, — произнёс офицер ничуть не смущённый умышленно бесцеремонным ответом Робаута.

— Чем я могу быть вам полезен, лейтенант Фелспар?

— Я должен известить вас, что полковник Андерс устраивает вечерний обед в офицерских покоях эспланады правого борта палубы Гамма в семь склянок первой суточной вахты после прыжка. Он приглашает вас и старших членов вашего экипажа присоединиться.

— Обед?

— Так точно, сэр, обед. Могу я сообщить, что вы принимаете предложение?

Робаут кивнул. — Да, вместе с моими благодарностями.

— Форма одежды — официальная. Полковник надеется, что это не станет проблемой.

Робаут рассмеялся и покачал головой. — Нет, не станет, лейтенант Фелспар. У нас найдётся одежда, которая не слишком изношена или оскорбительна для полкового обеда.

— Тогда полковник с удовольствием примет вас, капитан.

— Передайте ему, что мы будем с нетерпением ожидать этого, — сказал Робаут, отключив вокс-связь.

Он передвинул астронавигационный компас в угол стола и встал, довольно усмехаясь. Поправив китель, он вернулся на мостик “Ренарда” и занял кресло командира. Эмиль Надер управлял кораблём, хотя ему мало что приходилось делать, учитывая, что они следовали курсу “Сперанцы”.

— Чего хотели кадианцы? — спросил он.

— Кто сказал, что это были кадианцы?

— Разве не так? Всё указывает на это.

— Так, но догадаться было не сложно. Сообщение шло с префиксом запроса. Вокс-трафик от Механикус не содержит подобные мелочи. Даже Адара мог угадать, что это были кадианцы.

— И чего они хотели?

— Нас, — ответил Робаут, глядя сквозь главный обзорный экран на мерцающие звёзды, испытывая трепет при виде новых горизонтов. По мере приближения к точке Мандевилля звёзды становились более тусклыми и тёмными, словно путешественники достигли границ известного космоса. Конечно же, это был оптический обман, созданная разумом фикция из-за близости границ системы.

— Нас? Ты о чём?

— О том, что нас ждут на обед, — сказал Робаут, выводя общий хронометр флота на экран. — Так что, к сожалению, нам придётся снова достать парадную форму. Ты, я и Эмиль к восемнадцати часам переходим на “Сперанцу”.

— Обед?

— Да. Ты слышал о таком? Люди собираются есть, пить и общаться в дружеской атмосфере.

— Не похоже ни на один обед, который у нас был.

— Пожалуй, нет, но мы можем хотя бы попытаться не ударить в грязь лицом, а?

— Ну и что ты думаешь? — спросил Хоук.

— Шары Тора, я думаю, что ты едва не прикончил меня! — выдохнул Койн, выплёвывая полный рот прозрачной жидкости на палубу. Он упал на колени, и его влажно вырвало, хотя он удержал ту гадость, которую недавно съел в столовой.

Авреем с трудом проглотил едкую жидкость, почувствовав всевозможные отвратительные химикаты и дистиллированные примеси в её маслянистой консистенции. Выпитое попыталось вернуться назад, но он не позволил этому произойти благодаря смеси решимости и чистой чёртовой силы воли. Когда первый эффект мерзкого варева Хоука спал, остался мощный остаточный привкус, который, как ему пришлось признать, не был уж совсем неприятен.

— Пожалуй, нет, но мы можем хотя бы попытаться не ударить в грязь лицом, а?

— Ну и что ты думаешь? — спросил Хоук.

— Шары Тора, я думаю, что ты едва не прикончил меня! — выдохнул Койн, выплёвывая полный рот прозрачной жидкости на палубу. Он упал на колени, и его влажно вырвало, хотя он удержал ту гадость, которую недавно съел в столовой.

Авреем с трудом проглотил едкую жидкость, почувствовав всевозможные отвратительные химикаты и дистиллированные примеси в её маслянистой консистенции. Выпитое попыталось вернуться назад, но он не позволил этому произойти благодаря смеси решимости и чистой чёртовой силы воли. Когда первый эффект мерзкого варева Хоука спал, остался мощный остаточный привкус, который, как ему пришлось признать, не был уж совсем неприятен.

— Ну как? — произнёс Хоук.

— Могу уверенно сказать, что пил в портовых барах и хуже, — наконец ответил он.

— Это мало о чём говорит, — обиженно сказал Хоук.

— Лучшая рекомендация тебе не светит. Налей ещё.

Хоук улыбнулся и наклонился к нагромождению из бочонков для воды, топливных канистр,

медных и пластиковых труб, которые качали жидкость только-Император-знает-откуда и процеживали её сквозь запутанную циркуляционную систему из шлангов, дистилляторов, очистительных установок и печей. Не похоже, чтобы хоть что-то выполняло ту цель, для которой было создано, и Авреем считал энтоптические подслойные коды, которые свидетельствовали, что где-то, по крайней мере, два десятка механизмов недосчитались важных деталей.

— Как, чёрт возьми, ты сумел построить это? — спросил Койн, поднимаясь и протягивая оловянную кружку за добавкой.

— Ноу-хау Гвардии, — ответил Хоук, отдав кружку Авреему и взяв у Койна. — Только чертовски плохой солдат не сумеет найти способ гнать выпивку на борту корабля Флота во время перелёта.

— Это не корабль Флота, — заметил Авреем. — Это — корабль Механикус.

— Здесь ещё легче. Вокруг валяется так много вещей, что просто нельзя удержаться и не пристроить этот никому не нужный хлам.

Авреем пил маленькими глотками, вздрагивая от крепости напитка. — Но некоторые из этих вещей довольно специализированные, как ты достал их?

Хоук подмигнул, возможно, собираясь успокоить его, но получилось распутно и заговорщически.

— Слушай, ты хочешь выпить или нет? Всегда есть возможности достать барахло на космическом корабле. Особенно на том, где есть люди с потребностями. Особенно на том, где есть человек, который видит эти потребности и может... помочь воплотить их в жизнь. Давай просто позволим ему заниматься его делами, договорились?

Авреем хотел спросить ещё, но что-то подсказывало бывшему крановщику, что ему не понравится ни один из ответов Хоука. Не в первый раз он задумался о том, насколько мудро было связываться с таким человеком, как Хоук, человеком, чья мораль, мягко говоря, казалась ситуативно податливой.

Они последовали за ним из столовой в капающие коридоры, которые располагались параллельно общежитию. Медленные струи пара вырывались из тяжёлых железных труб, с которых сыпалась краска и капала солоноватая вода. Первым шёл Крушила, ныряя время от времени в переплетение трубопроводов, уходивших всё дальше, Авреем с Койном быстро и безнадежно потерялись в лабиринте непонятно куда ведущих ходов, боковых ответвлений и мрачных наклонных лестниц.

Сводчатое помещение, куда Хоук, наконец, привёл их, оказалось просторным и напоминало одновременно храм и тюремную камеру. Черепа и кости на стенах вызвали мысли о

заброшенной гробнице и восставших из могил трупах. Облицовку потолка покрывали выцветшие фрески имперских святых, выложенная шестиугольными плитками дорожка вела к перегородке с трафаретными надписями, ставшими неразборчивыми из-за постоянно капавшего масла и воды. Чтобы там не написали для потомков, теперь это оказалось потеряно, хотя Авреем пришёл к выводу, что это не особо и важно учитывая запущенность и заброшенность.

Хоук всё ещё стоял напротив перегородки и Авреем увидел ползущие по ней размытые мерцающие строчки кода. Он не смог прочитать ни одну из них и смигнул остаточные изображения, задавшись вопросом, зачем вообще в этот отсек подаётся энергия.

— Как тебя угораздило отыскать это место? — спросил Авреем.

— И что это? — добавил Койн. — Оно похоже на склеп.

Хоук занервничал, но быстро справился с эмоциями.

— Мне нужно было осмотреться вокруг, чтобы найти ещё детали, — непринуждённо ответил он, но его слова прозвучали насквозь фальшиво. — Гулял как-то ночью и брёл просто бесцельно наугад. Нашёл это место и понял, что оно замечательное.

— Удивлюсь, если ты сумеешь найти путь назад, — сказал Авреем. — Здесь просто чёртов лабиринт.

— Ну, в том то и дело, не так ли? Я пробовал запомнить, как приходил сюда; левый поворот, правый поворот, прямо сто метров и тому подобное, но это не слишком важно. Я всегда оказывался здесь и никогда не помнил, как это происходило. С выходом то же самое.

— Похоже, ты перебрал собственной выпивки, — заметил Койн.

— Нет, скорее это место хочет, чтобы я его нашёл его всякий раз, когда собираюсь сюда.

— О чём ты?

Хоук пожал плечами, не желая больше отвечать и понимая, что сказал слишком много. — Чёрт, какое это имеет значение, в конечном счёте?

Пока Хоук говорил, Авреем медленно поворачивался, осматривая помещение. Он протянул руку и коснулся стены с выцветшими трафаретными надписями, чувствуя едва уловимую дрожь металла, словно с другой стороны пульсировало холодное сердце какого-то невиданного механизма. Извивавшиеся обрывки кода поползли к его руке, поджелезные черви света потянулись к крови в плоти. Авреем почувствовал за металлом тяжесть ужасного горя и огромного гнева и отпрянул, испугавшись резкой волны изменчивых энергий таинственного

зала.

— Мне не нравится это место, — наконец сказал он. — Нам не стоит здесь оставаться.

— Почему? — спросил Хоук. — Это — хорошее место, тихое, труднодоступное и сквозь него всё ещё течёт немного энергии.

— Ты когда-нибудь задумывался почему?

— Нет, какое мне дело? Это — корабль Механикус, энергия течёт здесь повсюду даже к тем местам, о которых техножрецы, скорее всего, забыли. Мой шайн осчастливит немало народу, а?

— Не бесплатно.

— Человек имеет право получать плату за свой труд, не так ли?

— Мы мало чем отличаемся от рабов, — заметил Авреем. — Что у нас может быть ценного для тебя?

— У людей всегда найдётся что-нибудь для обмена. Услуги, безделушки, сила, навыки... дружеские отношения. Ты удивишься тому, что они готовы предложить, чтобы слегка забыться после ежедневной рутины.

— Нет, — печально ответил Авреем. — Не удивлюсь.

Флот вышел на финишную прямую к точке Мандевиля. В авангарде летели два эскорта с Фосс Прайм и "Адитум". За ними по пятам следовал "Кардинал Борас". Фланги "Сперанцы" защищали "Дитя Луны" и "Дитя Гнева". "Ренард" встал на якорь в одном из похожих на пещеры трюмов ковчега, потому что не было никакого смысла следовать прежним курсом, когда можно было просто разместиться на борту более крупного судна. Архимагос Котов не желал рисковать "Ренардом", пока капитан Сюркуф не предоставит ему навигационные расчёты для космоса за Шрамом Ореола.

"Мортис Фосс" расположился высоко над плазменным следом ковчега Механикус, охраняя корму, поскольку именно сейчас флот стал особенно уязвимым. Жар двигателей спал, и корабли сбросили скорость, но одновременно почти лишились способности сражаться и маневрировать. Флотилии корсаров часто скрывались в скоплениях обломков, полых астероидах или электромагнитных облаках активной пыли, прежде чем наброситься на добычу. Мощь экспедиции Котова делала такую засаду маловероятной, но нападения пиратов были не единственной опасностью для судов, которые готовились пробить стены между реальностями.

Расположенная вдали от затягивающего гравитационного колодца солнца точка Мандевиля

представляла собой область пространства, которую века опыта и с трудом завоёванные знания определили, как лучшее место для прорыва мембраны, разделявшей реальный космос и варп. Разумеется, корабль мог войти в Имматериум и в другом месте, но риски оказывались настолько велики, что потраченное на перелёт к далёкой точке Мандевилля время полностью окупалось.

“Сперанца” первой пробила брешь, её варп-генераторы накопили достаточно энергии, чтобы открыть проход для всего флота. И в лучшие времена было непростой задачей сохранять единую скорость после прыжка в варп, что становилось ещё сложнее, если каждое судно самостоятельно открывало проход. Лучшим вариантом было, когда один корабль брал на себя трудную работу, а “Сперанца” легко справлялась с такими расходами энергии.

Изолированным навигаторам и мысленно-соединённым астропатам предстоит поддерживать связь между флотом, но во время путешествия в варпе ни в чём нельзя быть уверенным, и каждый капитан получил данные астронавигации вместе с запасными пунктами сбора.

“Клинок Фосса” и “Клинок Чести” кружили вокруг, ярко вспыхивая двигателями, когда помощники капитанов выполняли резкие повороты, приближаясь к огромному ковчегу в центре флота. Каждый корабль флотилии осуществлял сложное маневрирование, держась как можно ближе к “Сперанце”, находясь на расстоянии, которое в наземных величинах казалось бы гигантским, но в космической топографии считалось опасно близким. Они отключили всё кроме самых важных систем ауспиков, потому что чем меньше знаешь о природе варпа за пределами мерцающего пузыря поля Геллера, тем лучше.

Довольная, что её последователи сохраняют молчание под безмолвными покровами, “Сперанца” разразилась залпами кричащего кода, предупреждая все соседние суда держаться на расстоянии. Хотя ковчег Механикус являлся исследовательским кораблём, он вовсе не был беззубым и хранил более чем достаточно энергии в огромных конденсаторах, чтобы защититься от любого внезапного нападения. Повторяющийся вой на враждебном машинном языке предрекал печальные последствия для любого, кто осмелится приблизиться.

Эхо бинарного вызова отражалось в космосе, трёхмерном пространстве, подёрнутом призрачными кляксами тьмы, мерцающей из потустороннего мира, опасно приблизившегося к поверхности. Ужасающие границы варпа явили себя словно в застоявшемся пруду, где жили невиданные и непостижимые мерзости, и чьи скрытые глубины не зря оставались невидимыми. Щупальца Имматериума болезненным светом просачивались в реальное пространство, блестящая обесцвеченная опухоль расширялась в материальную вселенную, где с ужасом ждали злобные отражения вещей и воплотившиеся в реальность кошмары. Слово океанский водоворот, который обрёл сознание, виток кровотокащих цветов и искажённого света медленно рос напротив флота, постепенно расширяясь, пока древние механизмы и тайное техноколдовство былой эпохи прорывали и растягивали разрыв.

В материальной вселенной появилась гноящаяся рана, пространство изогнулось от боли, исторгнув мучительный крики, которые не слышал никто, кроме плачущих астропатов и псайкеров-примарис кадианцев в психических клетках Фарадея. Но и избежавшие проклятья сверхъестественными способностями почувствовали, как трещина увеличилась, её отвратительная близость проникала повсюду, нарушая основные принципы людей, которые

стремились систематизировать реальный мир в самые первые тысячелетия человеческой цивилизации.

Ни один обычный ауспик не мог зафиксировать столь неестественное явление. Его границы не существовали ни на одном уровне бытия, который можно было измерить в эмпирических величинах. Само его присутствие высмеивало любые понятия реальности, и только приборы, придуманные в приступах бреда людьми, которых наука прошлых веков считала безумными, могли хотя бы зафиксировать его наличие.

Плазменные двигатели “Сперанцы” вспыхнули в последний раз колоссальным взрывом энергии, и ковчег направился в тёмный центр варп-разлома. Размытые полосы исчезающего плазменного антисвета окутали могучее судно, проглотили его целиком и свернулись вокруг, словно какой-то кошмарный хищник заманил добычу в яркую пасть.

Один за другим корабли Котова исчезли в варпе.

Хотя переходы в Имматериум планировали таким образом, чтобы как можно меньше членов экипажа в это время спали, а колокола звонили по всему судну, защищая людей от кошмаров, оставалось неизбежным, что некоторые пройдут между мирами во сне. Мало кто из кадианцев спал, после многочисленных прыжков между космосом и варпом зная лучше многих последствия подобных ошибок.

Произносили молитвы, возносили дары, обещания и просьбы Богу-Императору о спасении, целовали талисманы на удачу; по всему флоту проводили самые разные ритуалы и неважно какие они были — главное, что люди верили в их защиту. Исповедники и воины-жрецы обходили спальные помещения на каждом корабле, выслушивая страхи тех, кто больше не мог справиться с ними. Во время путешествия в Имматериуме все без исключения становились пылкими верующими и набожными слугами Золотого Трона, но, если священников Экклезиархии и тревожило, что такой рост абсолютной преданности был временным, они держали свои мысли при себе.

Также мало кто спал и из Адептус Механикус, в преддверии прыжка их искусственные имплантаты отвергали требование отдыха биологических компонентов. На борту “Адитума” воины Адептус Астартес приклонили колени в молчаливых размышлениях о долге, за ними надзирала безжалостная фигура Кул Гилада. Он знал признаки вторжения варпа и нёс бессменную вахту рядом со своей паствой, высматривая малейший намёк на то, что коварные щупальца Имматериума пустили корни. Реклюзиарх знал, что не обнаружит ни малейшего следа порчи, но только вечная бдительность способна воплотить подобные ожидания в жизнь.

Охранники патрулировали палубы каждого судна, готовые поднять тревогу при малейшем признаке опасности и держа наготове дробовики и шоковые дубинки. Полёт в варпе всегда сопровождался беспорядками: драками, причину которых никто не мог вспомнить, буйными лунатиками, попытками самоубийства, случайными актами бессмысленного насилия, иступлёнными приступами разнузданного секса и тому подобным.

По всему флоту люди сталкивались с кошмарами, потеющим учащённым сердцебиением, мрачным предчувствием смерти или продолжительными приступами меланхолии. Никто не испытывал удовольствия от прыжка в Имматериум, но оставалось только терпеть и молить Бога-Императора, чтобы путешествие закончилось быстро.

Дестабилизирующие эффекты полёта в варпе не ограничивались смертными элементами флота, механические конструкции страдали не меньше. На каждом судне экспедиции Котова все технологии от самых сложных машин, недоступных пониманию смертных, до простейших схем испытывали страх перед новыми и невозможными физическими законами, которые вмешивались в их плавную работу. Сбои множились, ежеминутно происходило по сто ошибок. Техножрецы, лексмеханики и сервиторы трудились без перерыва, чтобы гарантировать, что ничто важное не откажет в самый неподходящий момент.

Из всех подразделений флота только одно спало и ему снились кошмары, которые не мог постичь ни один обычный человек. В самом центре лежавших титанов органические разумы, благодаря которым волчьи сердца легио Сириус бились, корчились во власти амниотических кошмаров. Стремясь уберечь принципсов от худших эффектов путешествия в варпе, техножрецы экипажа отключили их от внешнего мира, заперев каждую уникальную личность в молочных тюрьмах с одними только воспоминаниями о прежних жизнях.

Былые славы и победы простирались в прошлое на тысячи лет, и их обычно оказывалось достаточно, чтобы защитить принципсов от самых худших последствий полёта в Имматериуме, но не на этот раз. Альфа-принцепсу Арно Люту снились существа с клинками-руками, кишевшие на его колоссальном теле подобно роющим червям и пожирающим его изнутри, и огромные био-титаны, сокрушающие его металлическое тело своей невозможной биологией.

Он молотил рудиментарными конечностями в немом ужасе, incapable кричать или умолять техножрецов разбудить его. Все связи с внешним миром были отрезаны, но "Лупа Капиталина" чувствовала его боль и разделяла её, системы титана вспыхнули в эмпатической ярости.

Системы оружия и опознания угрозы ненадолго преодолели защиты Механикус, удерживавшие её неподвижно, боевые рога прерывисто взревели, а автопогрузчики и энергетические батареи пробудились к жизни. Сотни паникующих техножрецов и аколитов легио Сириус отреагировали на внезапную боевую готовность титана, но прежде чем они успели хоть что-то предпринять, дух-машина погрузился в сон.

Не нашли ни малейших следов причин, которые вызвали всплеск агрессии "Капиталины" и старшие магосы легио сочли произошедшее всего лишь превратностями варп-путешествия, которые отразились на механизмах инертных колыбелей "Сперанцы".

Но они сильно ошиблись.

С отлётом "Сперанцы" инфицированная рана точки перехода затянулась, когда измученная пряжа, которую смертные блаженно принимали за реальность, подтвердила своё господство. Отголоски столь грубой манипуляции законами, управляющими физическими свойствами

вселенной, отзовутся эхом в прошлом и будущем, потому что в варпе просто не существовало такого понятия, как линейное время.

Бьеланна почувствовала жестокий переход человеческого флота в варп и успокоила призрачную кость в сердце “Звёздного Клинка”. Корабль выдержал последний спазм варпа. Подчиняясь капитану, он всплывал, погружался и менял курс синхронно с амплитудой временных и причинных волн, вызванных грубым нарушением реального пространства.

Она открылась для цикла бесконечности, позволив разуму течь сквозь живую структуру “Звёздного Клинка”. Блестящие светящиеся точки сверкали в Куполе Забытых Мечтаний, словно звёздный свет, варп-пауки заделывали трещины в призрачной кости, где давление на корпус сломало аккуратно выращенные рангоуты, которые давали кораблю обманчивую силу. Она не стала задерживаться возле варп-пауков, оставив их заниматься своими бездумными трудами, протиснулась сквозь шпангоуты гигантского корабля и ощутила, как горячий нейтронный ветер со свистом пронесется мимо корпуса и наполняет энергией солнечные паруса. В сердце “Звёздного Клинка” пылали колоссальные хранилища энергии, ресурсы, полученные из эфира и почти бесконечных запасов звёзд.

Бьеланна чувствовала огоньки душевного света команды, каждую переплетающуюся нить в пряже, каждую открытую возможность, которая простиралась из настоящего в несметное число возможных настоящих. Некоторые она чувствовала близко, другие она знала только потому, что бесконечный цикл поведал ей о них. Каждый эльдар на борту “Звёздного Клинка” соприкасался с бесконечным циклом и оставлял отпечаток на нём.

Да, в экипаже присутствовали поэты и творцы, но это был корабль воинов.

Два храма аспекта располагались в подфюзеляжном и дорсальном куполах “Звёздного Клинка”, Жалящие Скорпионы и Воющие Баньши, а храм Зловещих Мстителей на носу. Три из многочисленных военных аспектов Кхайна: теневые охотники, воющая смерть и разрубающий клинок. Не задерживаясь, дух Бьеланны проскользнул мимо святилищ аспекта, власть варпа достигла зенита, и она не хотела привлекать чрезмерное внимание тех, кто носил военную маску столь близко.

В центре “Звёздного Клинка” размещалась святыня самого бога войны, но горнило печи оставалось холодным — тлеющие угольки воинственного сердца дремали, пока призыв к оружию снова не вдохнёт в них яростную жизнь. Правда, несмотря на отсутствие опасности битвы, неистовое эхо человеческого флота грубо билось о защищавшие от варпа барьеры, и разжигало угольки беспокойства.

Стражники тренировались в установленных на крыльях куполах, солдаты-граждане Бьель-Тана, жизнь которых возможно и свернёт с пути воина, но они всё равно откликнутся на его призыв, когда придёт время. Сердце Бьель-Тана всегда готово к войне. Сама сущность “Звёздного Клинка” готова к сражению.

Она ощущала это в напряжении призрачной кости, настойчивости варп-пауков и воющих

военных масках воинов аспекта.

Разум капитана слился с её разумом, и она почувствовала вопрос, прежде чем он задал его.

— Нет, я ещё не нашла их, — сказала она. — Но они рядом. Позвольте мне вести “Звёздный Клинок” и всё получится.

Капитан молча согласился, и Бьеланна ощутила, как на неё опустился чудовищный вес корабля: носы в форме копий, широкие крылья, многочисленное оружие, подфюзеляжные кили и высокий солнечный парус. Чувство повелевать чем-то столь могучим оказалось невероятно сильным, опьяняющим и ей пришлось сопротивляться, чтобы сохранить самоощущение, когда огромный могучий дух набросился на неё, стремясь затянуть в своё пылающее сердце.

Разум Бьеланны вырвался в космос из приятного жара кости духа “Звёздного Копья”, ураганные ветра альтернативного измерения обрушились на незваную гостью, пытаясь изменить её полёт. То, что она искала, было близко, она ощущала эту близость, но они были скромными и не желали показываться даже наследникам тех, кто сотворил их в потерянную эпоху величия.

Отделив себя от прозаичных мыслей о физическом местоположении, Бьеланна освободила разум для пряжи, погружившись в течения будущего. Бесчисленные берега будущего открылись перед нею, покрытый множеством узлов канат, сотканный из миллиарда миллиардов тонких нитей. Она влилась в нити, направляясь к кроваво-красному берегу, который вёл к обнажённым клинкам, разрезанным венам и разрубленной плоти.

Будущее открылось ей, и она увидела то, что искала.

Оно превратилось из вероятности в реальность, и, наконец, показался портал паутины, мерцающее звёздное поле в созвездии Мораи-Хег в аспекте Девы — одновременно красивой и обольстительной, но и опасно обманчивой. Не один мифический цикл рассказывало о глупых эльдах, которые обрекли себя на гибель, доверившись её удивительному лику. Нос “Звёздного Клинка” повернулся к солнечной фигуре богини судьбы и золотистому свету, приветственно и признательно сверкавшему по краям портала.

Далёкие звёзды исчезли во тьме, показались янтарные глубины паутины, и Бьеланна вернула корабль под контроль капитана. Её захлестнула мгновенная боль потери, когда огромное сердце “Звёздного Клинка” отпустило её. Она боролась с желанием снова соединить душу с кораблём, а тот легко скользнул в паутину, путешествуя между безбрежными межзвёздными заливами без ужасных опасностей, с которыми сталкивался человеческий флот.

Бьеланна вернулась из царства духов в царство плоти, открыла глаза и позволила восстановиться весу физического тела.

Она сидела, скрестив ноги, в центре своих пустых покоев между двумя кроватками для

новорождённых эльдар.

Они пустовали и всегда оставались пустыми.

И если она не сможет повернуть человеческий флот с ошибочного пути в неизвестное, то так и останутся пустыми. Навсегда.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657092>